

Край последнего каравана

Михаил Морозов

18+

Михаил Морозов

Край последнего каравана

«Автор»

2025

Морозов М.

Край последнего каравана / М. Морозов — «Автор», 2025

Среди бескрайних песков Северной Африки, где каждый бархан таит свою историю, Майя Ортон и её команда ступают по следам Джулиана Ортона. Его дневники ведут их к загадочному исчезновению каравана XIX века, но Майя чувствует, что за этой древней тайной скрывается нечто большее. И она права. Под палящим солнцем, среди призрачных руин и ветхих карт, команда обнаруживает шокирующую правду: отец искал не просто реликвии, а секретные координаты затерянной в Сахаре логистической сети. Сети, которую теперь использует могущественная международная корпорация для своих теневых операций. Теперь это не просто археологическое расследование, а смертельная гонка. Против них — безжалостные агенты Александра Роуэна, готовые стереть любые следы. Вокруг — враждующие кланы, не знающие пощады, и свирепые песчаные бури, способные похоронить любого. Майе, Камилле, Тому и Рафу предстоит расшифровать древние послания, найти скрытые маршруты и выжить в пустыне, которая не прощает ошибок.

© Морозов М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Послание в кинжале	6
Лабиринт шафрана	11
Тени на дюнах	17
Карта из соли и звезд	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Морозов

Край последнего каравана

Послание в кинжале

Тишина в пещере была абсолютной, густой и тяжелой, как бархат, пропитанный водой. Она давила на барабанные перепонки, заставляя каждый звук – срывающуюся со сталактита каплю, шорох ботинка по камню, сбитое дыхание – разноситься оглушительным эхом. Но громче всего в этой тишине звучал щелчок. Короткий, металлический, окончательный. Звук взводимого курка.

Свет наших налобных фонарей выхватывал из мрака узкий круг сцены, до боли похожей на кошмар. В центре этого круга стояла Камилла. Ее лицо, обычно такое спокойное и рассудительное, было бледным как известняк, из которого состояли эти пещеры. Тонкая рука сжимала плечо, где грубая ткань куртки пропиталась чем-то темным. Но не это заставляло кровь стынуть в жилах. За ее спиной, прижимая к виску холодный вороненый ствол пистолета, стоял Александр Роуэн.

Он улыбался. Не злорадно, не торжествующе. Его улыбка была спокойной, вежливой, как у менеджера отеля, сообщающего, что ваш номер готов. Именно эта будничность и делала его по-настоящему чудовищным. Рядом с ним застыли двое его бойцов в тактическом снаряжении, их лица скрывали темные балаклавы, а в руках они держали короткоствольные карабины, направленные на нас.

– Мисс Ортон, – голос Роуэна был ровным, почти бархатным, и эхо лишь немного искажало его безупречный английский. – Какая приятная встреча в столь... уединенном месте. Полагаю, вы нашли то, что искали. То, что так долго и безуспешно искал ваш отец.

Мой взгляд метнулся к руке, в которой я сжимала его находку. Черный кристалл. Он был не просто черным. Он поглощал свет, казался дырой в реальности, а его грани, острые и неестественно идеальные, были холодными на ощупь. Но для меня он не был холодным. С того момента, как я взяла его, по моей голове разливалось тихое, настойчивое гудение, похожее на далекую песню или шепот на грани слышимости. Оно было только моим. Ни Том, ни Раф его не слышали.

«Не отдавай», – пронеслось в сознании. Голос был не моим, но исходил изнутри. Он был древним, как сама эта пещера.

– Отдай ему, Майя, – тихо, но твердо сказал Том. Он стоял слева от меня, не делая резких движений. Но я видела, как напряглись мышцы на его шее, как его взгляд, спокойный и сфокусированный, оценивал расстояние, углы, возможные траектории. Он был похож на сжатую пружину, готовую распрямиться в любой момент.

– Не торопись, Хенли, – вмешался Раф. Его голос был сухим, как песок. Он стоял чуть позади, в тени огромной каменной колонны, и его поза была обманчиво расслабленной. Но я знала Рафа. Он просчитывал варианты. И каждый из них, я была уверена, заканчивался плохо.

Мы были в ловушке. Глубоко под землей, в центральном зале карстовой системы, единственный известный нам выход из которой теперь контролировали люди Роуэна. Мы были в меньшинстве, и у них был наш самый ценный актив. Не кристалл. Камилла.

– Послушайте, мистер Хенли, – Роуэн слегка качнул пистолетом, и Камилла невольно вздрогнула. – Давайте не будем усложнять. У меня есть то, что вам нужно. У вас – то, что нужно мне. Простой обмен. Артефакт на жизнь вашего историка.

Он переиграл нас. Пока мы втроем спускались в самое сердце пещеры, следуя последним указаниям из дневника моего отца, он выследил и захватил Камиллу, оставшуюся в базовом лагере у входа. Он знал нашу тактику. Он изучил нас. И ударил по самому слабому звену. Не по физически слабому, нет. Камилла за последние месяцы показала такую стойкость, которой позавидовали бы многие. Он ударил по нашей привязанности. По нашей семье.

– Что тебе известно об этом кристалле? – спросила я, мой голос дрогнул, и я мысленно выругала себя за это. Нельзя показывать ему слабость.

Роуэн усмехнулся. – Достаточно, чтобы понимать его ценность. Ваш отец был гением, мисс Ортон. Но он был сентиментальным глупцом. Он верил, что некоторые вещи должны оставаться скрытыми. Мои работодатели считают иначе. Они верят в прогресс. А этот... камушек – ключ к нему.

«Ложь», – снова прошептал голос в моей голове, на этот раз настойчивее. «Он не знает. Он чувствует силу, но не понимает ее».

Я посмотрела на Камиллу. В ее глазах не было паники. Был страх, да, но еще там было что-то другое. Анализ. Она смотрела не на Роуэна, не на пистолет у своего виска. Она смотрела на меня. И в ее взгляде я прочла то, что боялась признать. Она была готова умереть, лишь бы кристалл не попал в его руки. И это придало мне сил.

– Хорошо, – сказала я, делая шаг вперед. Том мгновенно напрягся, готовый рвануться ко мне. Я остановила его едва заметным движением руки. – Ты получишь свой кристалл. Но сначала отпусти ее. Пусть она подойдет к нам.

– Боюсь, правила диктую я, – Роуэн не сводил с меня глаз. – Сначала артефакт. Положите его на тот плоский камень между нами. Медленно. А потом ваш друг, мистер Моралес, пусть отойдет от этой колонны. Мне не нравится его расположение.

Раф не шелохнулся. Он смотрел на Роуэна, и его взгляд был холоднее льда патагонских ледников.

– Ты в невыгодной позиции, Роуэн, – произнес Раф. – Ты не знаешь эту пещеру. Мы знаем. Ты убьешь ее, и мы исчезнем в этих лабиринтах. Ты никогда не найдешь ни нас, ни кристалл. А твои «работодатели» не прощают провалов. Отпусти ее, и у тебя будет шанс уйти отсюда с тем, за чем пришел.

Это был блеф. Виртуозный, отчаянный блеф. Мы знали лишь малую часть этой системы. Но Роуэн этого не знал. На его лице на мгновение промелькнуло сомнение. Он взвешивал риски.

– Интересное предложение, – протянул он. – Но я предпочитаю синицу в руках. Кристалл на камень. Сейчас же. Или мозг вашего историка украсит этот прекрасный образец доломита.

Тишина снова сгустилась. Я чувствовала, как бешено колотится сердце. Шепот в голове превратился в настойчивый гул, мешающий думать. Он не хотел, чтобы я его отпускала. Он был частью чего-то... частью меня. Но Камилла... она была моей семьей. Той семьей, которую я обрела, когда потеряла отца.

Я посмотрела на Тома. В его глазах я увидела не приказ, а доверие. Он примет любое мое решение. Я перевела взгляд на Рафа. Он едва заметно кивнул. Он тоже доверял мне. Они оба доверяли мне сделать правильный выбор. И правильный выбор был только один.

– Ладно, – выдохнула я. Гул в голове взвыл протестующе. – Твоя взяла.

Я медленно, держа кристалл на вытянутой руке, чтобы все видели мои движения, пошла к плоскому валуну на полпути между нами. Каждый шаг отдавался в ушах ударом молота. Воздух стал плотным, вязким. Я чувствовала на себе взгляды всех: холодный, оценивающий взгляд Роуэна, напряженные взгляды его людей, отчаянную надежду в глазах Камиллы и стальную готовность моих друзей.

Вот он, камень. Гладкий, отполированный тысячелетиями капающей воды. Я осторожно опустила на него кристалл. Пустота в руке была почти физически болезненной. Словно я оторвала часть себя. Гул в голове резко оборвался, оставив после себя звенящую тишину.

– Отлично, – с удовлетворением произнес Роуэн. – А теперь, Камилла, дорогая, иди к своим друзьям.

Он убрал пистолет от ее виска, но не опустил его, держа наготове. Он подтолкнул ее вперед. Камилла, пошатываясь, сделала несколько шагов в нашу сторону. Ее глаза были прикованы к моему лицу.

– Теперь кристалл мой, – сказал Роуэн, и один из его людей шагнул к камню.

И в этот момент все произошло.

Мир взорвался светом и звуком. Том, который все это время стоял неподвижно, рванул с места не ко мне и не к Камилле, а в сторону. Одним движением он сорвал с пояса сигнальный фальшфейер и с силой ударил им о камень. Ослепительная магниевая вспышка залила пещеру нестерпимо ярким белым светом, превратив абсолютную темноту в абсолютный свет. Роуэн и его люди, чьи глаза привыкли к полумраку, инстинктивно вскрикнули и зажмурились.

В то же мгновение Раф, которого Роуэн так опрометчиво оставил возле колонны, выхватил из-за спины свой единственный козырь – тяжелый геологический молоток, который мы использовали для взятия проб. Он не стал его метать. Он с силой ударил им по самой колонне, у ее основания, целясь в хрупкую, подточенную водой породу. Раздался оглушительный треск, и сверху, из темноты, куда не доставал даже свет вспышки, посыпались мелкие камни.

Это была идеальная диверсия. Зрение и слух. Роуэн и его люди были дезориентированы.

– Камилла, ко мне! – крик Тома был командой, не допускающей возражений.

Он уже был рядом с ней, схватил ее за руку и рванул в сторону узкого прохода, который мы заметили раньше, – трещины в стене, едва заметной за нагромождением валунов.

Я не стала медлить. Пока боец Роуэна тер глаза, я бросилась к камню, схватила кристалл – его холодная поверхность обожгла пальцы – и рванула за Томом и Камиллой.

– Стрелять! – взревел Роуэн, его голос срывался от ярости.

Раздались выстрелы. Пули зацелкали по камням вокруг, высекая искры. Эхо многократно усилило грохот, превратив пещеру в адский котел. Одна из пуль с визгом срикошетила от стены в паре сантиметров от моей головы. Я пригнулась и нырнула в спасительную темноту трещины.

Последним в проход влетел Раф. Он не бежал – он двигался тактическими перебежками, заставляя стрелков тратить патроны впустую.

– Сюда! Быстрее! – командовал Том, уже ведя нас по узкому, извилистому лазу.

Мы бежали вслепую, спотыкаясь о камни. Свет наших фонарей плясал на мокрых стенах, создавая причудливые тени. Позади слышались крики и грохот выстрелов, но они становились все глуше. Лаз петлял, уводя нас все дальше вглубь скального массива.

– Они не пойдут за нами, – выдохнул Раф, когда мы остановились на несколько секунд, чтобы перевести дух. – Не зная, куда ведет этот ход. Слишком рискованно. Роуэн не любит рисковать, если может просто перекрыть выход.

– Значит, мы все еще в ловушке, – сказала Камилла. Она тяжело дышала, прижимая руку к плечу.

– Дай посмотреть, – Том направил на нее луч фонаря. Куртка была порвана, но рана оказалась неглубокой – пуля лишь оцарапала кожу. Роуэн или один из его людей ударил ее. – Жить будешь. Но нужно обработать.

– У Тома был запасной план, – сказал я, глядя на спасателя с благодарностью. – Ты знал, что есть другой выход?

Том покачал головой. – Не выход. Канал. Старые карстовые системы часто соединены сифонами – затопленными ходами. Судя по карте твоего отца, где-то здесь должен быть проход к подземной реке. Она выведет нас на несколько километров ниже по склону горы.

– «Должен быть»? – уточнил Раф с присущим ему скепсисом.

– Джулиан пометил его как «непроверенный, но вероятный», – ответил Том. – Это наш единственный шанс.

Мы шли еще около часа. Шли молча, экономя силы и прислушиваясь к тишине. Преследования не было. Раф оказался прав. Роуэн предпочел заблокировать нас, уверенный, что мы либо погибнем в этих лабиринтах, либо вернемся к главному выходу, прямо в его руки.

Наконец, мы оказались в небольшом гроте, где слышался отчетливый шум воды. В дальнем конце зала узкий канал уходил вниз, в черную, бурлящую воду. Это была она. Подземная река. Наш путь к свободе.

– Отдыхаем десять минут, – скомандовал Том. – Проверим снаряжение, поедим. Нам понадобятся силы.

Мы сгрудились на небольшом сухом пяточке. Том достал аптечку и принялся обрабатывать плечо Камиллы. Раф проверял свой почти бесполезный теперь пистолет – в воде от него не будет толку. А я села чуть поодаль, снова взяв в руки кристалл.

Теперь, в тишине, шепот вернулся. Он был тихим, успокаивающим. Я вертела артефакт в руках, и его грани, казалось, идеально ложились под мои пальцы.

– Ты в порядке? – Камилла подошла и села рядом. Ее лицо в свете фонаря все еще было бледным, но в глазах уже не было страха, только беспокойство. За меня.

– Да. Просто... – я не знала, как объяснить. – Эта штука. Она... живая.

Камилла кивнула, ее взгляд был серьезным. – Послание твоего отца. «Сердце спит там, где родилась первая тень. Оно проснется от песни трех племен». Мы нашли Сердце. Но Роуэн тоже знает о нем. И он упомянул «работодателей». Это значит, что вся корпорация теперь охотится за ним.

– И за нами, – добавил Раф, подходя к нам. Он протянул мне флягу с водой. – Мы выиграли бой, но не войну. Роуэн зол. Он проиграл, и это делает его вдвойне опасным. Он будет ждать нас на поверхности.

– Мы не выйдем там, где он ждет, – возразил Том, заканчивая перевязку. – Если расчеты Джулиана верны, река вынесет нас далеко отсюда.

– Но что дальше? – спросила я, обводя взглядом их усталые лица. – Мы нашли кристалл. Но что это нам дает? Мы не знаем, что такое «песнь трех племен». У нас нет никаких зацепок.

– Думаю, у нас есть кое-что, – сказал Раф. В его руке что-то тускло блеснуло. Это был нож. Точнее, кинжал. Изогнутый, с богато украшенной рукоятью и широким лезвием. Таких я никогда не видела.

– Откуда это? – удивился Том.

– Трофей, – коротко ответил Раф. – Когда началась суматоха, я обезоружил одного из бойцов Роуэна. Того, что стоял ближе к колонне. У него на поясе был этот кинжал. Странное оружие для современного наемника. Я забрал его. Инстинкт.

Камилла взяла кинжал в руки. Ее пальцы осторожно прощлись по орнаменту на рукояти, по гравировке на лезвии. Она, наш ходячий исторический справочник, была в своей стихии.

– Это не балканское оружие. Совершенно точно, – пробормотала она, поднеся кинжал ближе к свету фонаря. – Это... туарегский телек. Кинжал кочевников Сахары. Посмотри на орнамент. Это стиль племен Ахаггара. И сталь... она очень старая. Но рукоять новее.

Она повернула кинжал, и ее взгляд зацепился за навершие рукояти. Оно было сделано из полированного камня, и в нем виднелась тонкая, почти незаметная трещина.

– Посвети сюда, – попросила она Тома.

В ярком луче стало видно, что это не трещина. Это был стык. Камилла аккуратно подцепила его ногтем. Навершие поддалось и открутилось, открыв крошечную полость внутри рукояти.

Внутри лежал туго скрученный воценой нитью свиток из тонкой, как папиросная бумага, кожи.

Дрожащими пальцами Камилла развернула его. На свитке было всего несколько строк, написанных от руки знакомым, чуть угловатым почерком моего отца.

«Майя, если ты это читаешь, значит, Роуэн нашел мой след. Не доверяй ему. Этот кинжал – ключ, который он украл из моего архива, но не смог понять. Он думает, что это просто сувенир. Глупец».

Ниже шла еще одна запись, сделанная уже другой рукой. Аккуратным, каллиграфическим почерком Роуэна. Словно он нашел послание отца и дописал свое, оставив кинжал как приманку.

«Ваш отец искал тень в песках. Легенду о караване, который нашел нечто большее, чем соль и золото. Он нашел дорогу. Я ближе к разгадке, чем он когда-либо был. Если хотите услышать вторую песню, следуйте за первой. Оазис Сива. Но поторопитесь. Пустыня не любит ждать».

– Оазис Сива... Египет, – прошептала Камилла. – Западная пустыня. Это же тысячи километров отсюда.

– Это ловушка, – отрезал Раф. – Он намеренно оставил кинжал. Он хочет, чтобы мы отправились туда. Он будет ждать нас.

– Да, это ловушка, – согласилась я, глядя на строчки, написанные рукой отца. Но в груди разгорался не страх, а упрямая решимость. – Но это и единственная наша нить. Отец что-то искал в Северной Африке. Что-то, связанное с этим кристаллом и «песней трех племен». Роуэн идет по его следу. Мы должны его опередить.

– Это будет безумием, – сказал Том, но в его голосе не было осуждения, только констатация факта. – У нас нет ресурсов, нет поддержки. А вся мощь корпорации будет брошена на то, чтобы нас найти.

– У нас есть мы, – твердо сказала я. – У нас есть дневники отца. И у нас есть это.

Я подняла кристалл. В темноте грота он казался осколком ночного неба, полным не звезд, а обещаний и тайн. Шепот в моей голове снова стал отчетливее, словно одобряя мое решение.

– Роуэн думает, что ведет нас в западню, – произнес Раф, и в его глазах впервые за долгое время блеснул азартный огонек. – Он не учитывает одного. Иногда лучшая защита – это атаковать первым. Он ждет нас в оазисе? Отлично. Значит, мы знаем, где его искать.

Я посмотрела на своих друзей. На измазанное грязью, но решительное лицо Камиллы. На спокойное и надежное, как скала, лицо Тома. На циничную ухмылку Рафа, за которой скрывалась стальная воля. Мы были измотаны, загнаны в угол, и наш враг был сильнее, чем когда-либо. Но мы были вместе.

– Значит, решено, – сказала я, убирая кристалл в сумку и поднимаясь на ноги. – Нас ждет Северная Африка.

Том кивнул и указал на черную, бурлящую воду подземной реки.

– Тогда в путь. Сначала нам нужно выбраться из этой горы.

Один за другим мы скользнули в ледяную воду. Поток подхватил нас и потащил во мрак, навстречу неизвестности. Холодная пещера осталась позади, но я знала – впереди нас ждал жар пустыни, раскаленный песок и тени, которые были гораздо старше и опаснее, чем люди Александра Роуэна. Война моего отца была далека от завершения. Теперь она стала нашей.

Лабиринт шафрана

Воздух, ударивший в лицо, был холодным, чистым и пах мокрой землей и хвоей. После часов, проведенных в затхлой, спертой атмосфере подземелья, он пьянил, как вино. Ледяная вода подземной реки выплюнула нас на каменистый берег в предрассветных сумерках. Мы лежали на гальке, тяжело дыша, кашляя, пытаюсь согреть онемевшие от холода конечности. Тела болели, одежда превратилась в мокрые, тяжелые тряпки. Но мы были живы. И свободны.

– Переключка, – голос Тома, хриплый и усталый, прорезал тишину. Он уже был на ногах, его силуэт четко вырисовывался на фоне светлеющего неба. – Все целы?

– Здесь, – выдохнула я, садясь и обнимая себя за плечи в тщетной попытке согреться.

– В порядке, – отозвалась Камилла. Она сидела, прислонившись к валуну, и ее лицо казалось почти прозрачным в слабом свете.

– Если не считать того, что я только что проплыл по пищеводу горы и меня чуть не пристрелили, я в полном восторге, – пробормотал Раф, выжимая воду из своей куртки. Его сарказм был лучшим признаком того, что он в норме.

Мы выбрались. Расчеты моего отца оказались верны. Река вынесла нас на поверхность в нескольких километрах от входа в пещеры, с другой стороны горного хребта. Роуэн и его люди ждали нас совсем не здесь. Мы выиграли время. Но на этом наши преимущества заканчивались.

– Инвентаризация, – скомандовал Том, действуя с автоматизмом профессионального спасателя, для которого чрезвычайная ситуация – это просто рабочий день. – Еда, вода, снаряжение. Что уцелело?

Осмотр принес неутешительные результаты. Большая часть нашего снаряжения осталась в лагере у входа в пещеру. То, что было при нас, промокло насквозь. Несколько энергетических батончиков, полупустые фляги, два фонаря, один из которых мигал и грозил вот-вот погаснуть, аптечка Тома и геологический молоток Рафа. И два ключевых предмета: черный кристалл, надежно упрятанный в моем рюкзаке, и туарежский кинжал, который Раф бережно завернул в кусок ткани. У нас не было ни денег, ни документов, ни связи. Мы были четырьмя призраками на склоне балканской горы, за которыми охотится безжалостная корпорация с безграничными ресурсами.

– Ситуация, мягко говоря, неоптимальная, – констатировал Раф, закончив осмотр своего бесполезного пистолета. – Роуэн перекроет все порты и аэропорты в радиусе пятисот километров. Наши лица уже во всех базах данных. Мы не можем просто купить билет на самолет до Каира.

– Значит, нам нужен другой путь, – сказала я, глядя на восток, где небо уже окрашивалось в нежно-розовые тона. – Путь, которым не пользуются обычные люди.

Раф посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло что-то вроде профессионального одобрения. – Есть варианты. Контрабандные тропы. Морские пути мелких торговцев. Это долго, грязно и опасно. Но это выведет нас из зоны поиска. Мне нужно добраться до ближайшего портового города. Найти одного человека. Старый должник. Он поможет с документами и переправой.

– Сколько времени это займет? – спросил Том.

– Если повезет, неделя до Александрии. Если нет... – Раф пожал плечами. – Тогда у нас будут проблемы посерьезнее, чем просроченный паспорт.

Неделя. Целая неделя, за которую Роуэн мог перевернуть весь регион вверх дном. Но выбора не было. План Рафа был единственным, что у нас имелось.

Путь до побережья был тяжелым. Мы шли по ночам, прячась днем, питаясь тем, что удалось раздобыть Тому. Он учил нас находить съедобные корни, показывал, как фильтровать

воду. Камилла, несмотря на пережитый ужас и раненое плечо, держалась стойко. Она больше не была «кабинетным ученым». Пещеры, страх и адреналин выжгли из нее последнюю академическую хрупкость, оставив лишь закаленную сталь. Она мало говорила о своем пленении, но я видела, как иногда ее взгляд становился отсутствующим, и она невольно касалась плеча, словно снова чувствовала тяжесть руки наемника и холод ствола у виска.

Я же все это время жила с тихим шепотом в голове. Кристалл, даже лежа в рюкзаке, подерживал со мной эту странную, одностороннюю связь. Это было не похоже на голоса. Скорее, на ощущение. Направление. Он словно тянул меня на юго-восток, к теплым пескам и древним тайнам. Он хотел домой.

Спустя шесть изнурительных дней мы, грязные и оборванные, добрались до небольшого, пропахшего рыбой и солью портового городка. Раф исчез в лабиринте узких улочек и вернулся через несколько часов, выглядя еще более мрачным, чем обычно.

– Есть контакт, – бросил он. – Старый грек по имени Никос. У него рыболовный траулер. Завтра ночью он идет в Александрию с грузом... скажем так, незадекларированных товаров. Он возьмет нас. Цена – все наличные, что у меня были припрятаны, и вот это. – Раф показал на свои часы – дорогие, швейцарские, подарок от Интерпола за одну успешную операцию. – Он сказал, что мы должны выглядеть как портовые рабочие. Купил нам одежду на рынке.

Ночь в трюме траулера «Фетида» была длинной. Пахло соляжкой, гниющей рыбой и морем. Нас качало на волнах, и сквозь щели в досках пробивался соленый ветер Средиземноморья. Мы почти не разговаривали, каждый думал о своем. Я думала об отце. Он тоже проделывал такие путешествия, жил на грани, скрывался, чтобы докопаться до правды. И сейчас я понимала его как никогда раньше. Это была не просто жажда приключений. Это была одержимость, долг, который он чувствовал перед миром, – не дать таким, как Роуэн, завладеть тем, что им не принадлежит.

Александрия встретила нас стеной горячего, влажного воздуха, криками чаек и гудками судов. После прохлады Балкан зной Египта обрушился на нас, как физический удар. Город кипел жизнью – хаотичной, шумной, яркой. Мы сошли на берег в грязной портовой зоне, смешавшись с толпой рабочих, и на несколько часов затерялись в этом муравейнике.

– Теперь куда? – спросил Том, когда мы нашли убежище в дешевой чайной, спрятанной в глубине жилого квартала. – Сива – это в пятистах километрах к западу. Пустыня.

– Сначала информация, – сказала Камилла. Ее глаза горели. Она была в своей стихии. Вокруг нее была история, тысячи лет истории. – Роуэн оставил нам наживку. «Если хотите услышать вторую песню, следуйте за первой. Оазис Сива». Это слишком прямолинейно. Роуэн не так прост. А мой отец... он никогда не оставлял прямых указаний. Он оставлял головоломки.

– «Следуйте за первой песней», – задумчиво повторила я. – Что это может значить?

– В контексте Египта и пустыни «песня» может означать многое, – Камилла достала из кармана крошечный блокнот и карандаш, которые умудрилась купить по дороге. – Это может быть отсылка к поэзии, к древним гимнам, к легендам кочевников. Сива знаменита своим оракулом Амона, к которому приходил за советом сам Александр Македонский. Возможно, ответ там. Но я думаю, нам стоит начать с другого. С кинжала.

Она положила телек на стол. В тусклом свете чайной он выглядел древним и опасным.

– Раф сказал, что наемник, у которого он его забрал, был не похож на остальных. Он был местным. Балканцем. Почему у него туарегский кинжал?

– Роуэн дал его ему, – предположил Раф. – Как символ. Или как приманку для нас.

– Или потому что этот кинжал – не просто ключ, но и карта, – возразила Камилла. – Посмотрите на гравировку. Это не просто узоры. Это стилизованные созвездия. Дракон, Кассиопея, Малая Медведица... Кочевники ориентировались по звездам. Возможно, «первая

песня» – это звездный путь. Маршрут, который можно прочесть, только зная небо южного полушария.

– Это все прекрасно, – вмешался Том. – Но у нас нет ни телескопа, ни звездных карт. И мы понятия не имеем, как их читать. Нам нужен эксперт.

– Я знаю одного, – тихо сказала Камилла. – Точнее, знал твой отец. Профессор Анвар Хассан. Один из лучших специалистов по истории кочевых племен Северной Африки. Джулиан несколько раз ссылался на его работы в своих дневниках. Он живет здесь, в Александрии. Если кто-то и может помочь нам расшифровать это, то только он.

Найти профессора Хассана оказалось несложно. Он жил в старом районе города, в квартире, доверху забитой книгами, свитками и древними артефактами. Это был невысокий, сухонький старик с живыми, пронизательными глазами и белоснежной бородой. Он встретил нас настороженно, но когда Камилла упомянула имя Джулиана Ортона, его лицо смягчилось.

– Джулиан... – вздохнул он, наливая нам мятный чай в крошечные стаканчики. – Великий человек. Безумец, конечно, но великий. Он верил в легенды больше, чем иные верят в Бога. Что привело детей моего друга ко мне?

Камилла аккуратно развернула ткань и показала ему кинжал. Глаза профессора расширились. Он взял телек с благоговением, которого тот, казалось, не заслуживал.

– Кинжал Потерянного Каравана, – прошептал он. – Я видел его лишь на старых зарисовках. Легенда гласит, что караван шейха Аль-Фаси в середине девятнадцатого века заблудился в Великой Песчаной Пустыне. Они умирали от жажды, когда нашли вход в пещеру, где текла река. Подземная река. Они называли ее Рекой Теней. По легенде, они нашли там не только воду, но и «сердце горы» – черный камень, который пел им песни о звездах.

Мое сердце пропустило удар. Черный камень. Песни. Он говорил о нашем кристалле.

– Они не смогли унести камень, – продолжал профессор, не замечая нашего потрясения. – Но шейх приказал выгравировать карту звездного неба на своем кинжале – карту, которая указывала путь к этой реке. Караван так и не вернулся. Все думали, что это просто сказка. Но Джулиан... он верил. Он искал этот кинжал много лет. Где вы его нашли?

– Это долгая история, – уклонилась я от ответа. – Профессор, вы можете прочесть эту карту? Что такое «первая песня»?

Хассан покачал головой. – Это не просто карта. Это шифр. «Песнь трех племен», как ее называли бедуины. Чтобы прочесть ее, нужно три ключа. Первый – сам кинжал, «песнь клинка». Вторым – знание устной традиции, легенд, которые передаются из уст в уста, «песнь голоса». И третий... третий утерян. «Песнь тишины». Никто не знает, что это.

– Но Роуэн написал: «Следуйте за первой песней», – настаивала Камилла. – Он явно имел в виду что-то конкретное.

Профессор нахмурился, поглаживая бороду. – В старых текстах есть упоминание... «Первая песнь рождается там, где шафран встречается с солью». Поэтический образ. Но очень точный. В древности в Александрии был один-единственный рынок, где торговали и шафраном, привезенным с востока, и солью, добытой в оазисах пустыни, включая Сиву. Он назывался Сук-аз-Зафаран. Шафрановый рынок. Сейчас это просто лабиринт старых улочек, но...

– Но там мог остаться какой-то след, – закончила за него я. – Знак, который оставил мой отец.

– Это возможно, – согласился Хассан. – Джулиан умел находить следы там, где другие видели лишь пыль веков. Но будьте осторожны. Если легенда правдива, за этим кинжалом охотились многие. И не все из них были учеными.

Шафрановый рынок оказался именно таким, как и описывал профессор, – запутанным лабиринтом узких, как щели, переулков, где воздух был густым от ароматов специй, жареного мяса и благовоний. Солнечный свет едва пробивался сквозь навесы из пестрой ткани, натяну-

тые между домами, создавая причудливую игру света и тени. Толпа несла нас в своем потоке, и я чувствовала себя песчинкой в этом бурлящем человеческом море.

– Держимся вместе, – скомандовал Том, его голос был напряженным. – Это идеальное место для засады.

– И для того, чтобы затеряться, – парировал Раф, его глаза сканировали крыши, окна, темные дверные проемы. – Разделимся. Так мы быстрее осмотримся. Майя, ты со мной. Том, ты с Камиллой. Встречаемся через час у фонтана в центре. Если что-то пойдет не так – уходим и встречаемся у профессора. Никакой самодеятельности.

Я кивнула. План был разумным. Мы с Рафом свернули в боковой проулок, где торговали медной посудой. Звон молоточков смешивался с гомоном толпы.

– Что ищем? – спросила я, стараясь не отставать от его быстрого шага.

– Не что, а кого, – ответил Раф, не сбавляя темпа. – Роуэн знает, что мы здесь. Он не мог не оставить наблюдателей. Я ищу того, кто не вписывается. Туриста, который слишком долго изучает карту. Уличного торговца, который больше смотрит по сторонам, чем на свой товар. Кого-то, кто здесь работает.

Его профессиональная паранойя была заразной. Я тоже начала вглядываться в лица, пытаюсь применить свои навыки фоторепортера. Я искала детали: неправильную обувь, слишком чистую одежду, жест, выбивающийся из общего ритма.

Мы петляли по рынку минут двадцать. Раф вел меня уверенно, словно у него в голове была карта этого хаоса. Внезапно он остановился у лавки, торговавшей тканями, и сделал вид, что рассматривает цветастый шелк.

– Третий этаж, здание напротив, – тихо сказал он, не глядя на меня. – Окно с синей ставней. Человек с биноклем. Он нас увидел.

Я бросила быстрый взгляд. Действительно, в темном проеме окна на мгновение блеснуло стекло. Сердце ухнуло вниз. Они уже здесь.

– Что делаем? – прошептала я.

– То, чего он не ожидает, – ухмыльнулся Раф. – Идем прямо к нему.

Он схватил меня за руку и потащил вглубь рынка, в еще более узкий и темный переулок. Мы почти бежали, лавируя между лотками с финиками и орехами. Я слышала позади нас какой-то шум, крики. Нас заметили. Началась погоня.

– Сюда! – Раф нырнул в низкую арку, оказавшись в небольшом внутреннем двореке, заставленном пустыми ящиками. В дальнем углу была ветхая деревянная лестница, ведущая на крышу. – Это наш единственный шанс оторваться.

Мы взлетели по скрипучим ступеням. Крыши старого города представляли собой еще один лабиринт – череду плоских, соединенных друг с другом поверхностей, увешанных бельем и спутниковыми тарелками. Мы бежали, перепрыгивая через невысокие парапеты, стараясь держаться в тени. Позади, на соседней крыше, показались две фигуры. Люди Роуэна. Они были быстрыми и профессиональными.

– Они загоняют нас! – крикнула я, перепрыгивая через провал между двумя зданиями. – Как крыс!

– Именно! – отозвался Раф. – Это тактика Роуэна! Он не нападает в лоб, он создает условия, в которых мы сами бежим в ловушку!

Он резко остановился на краю крыши. Впереди был широкий проспект, забитый машинами. Прыгать было некуда. Мы оказались на пяточке, с трех сторон окруженном пустотой. Сзади приближались преследователи. Ловушка захлопнулась.

– Что теперь? – выдохнула я, оглядываясь в поисках пути к отступлению.

Раф не ответил. Он смотрел не на преследователей, а вниз, на стену здания, на котором мы стояли. Стена была покрыта старой, облупившейся штукатуркой, но под ней виднелась древняя кладка. И на этой кладке, прямо под нашими ногами, был вырезан какой-то символ.

Огромный, полустертый временем, но все еще различимый. Спираль, в центре которой было изображение созвездия.

– Майя, смотри! – крикнул он, перекрывая шум улицы.

Я посмотрела. Это было созвездие Дракона. Точно такое же, как на кинжале. И от него, словно лучи, расходились линии, указывающие на разные стороны света.

– Это не просто символ, – прошептала я, внезапно все поняв. – Это карта. Карта всего рынка. «Первая песнь рождается там, где шафран встречается с солью». Мой отец нашел это место. Он оставил нам карту, спрятанную на виду у всех!

Наши преследователи были уже в десяти метрах от нас. Один из них поднял руку, и я увидела в ней пистолет с глушителем.

И в этот момент из-за угла, со стороны главной площади, вылетел Том. Он двигался как таран, сбив с ног одного из людей Роуэна прежде, чем тот успел среагировать. Рядом с ним была Камилла. В руке она держала тяжелый медный поднос, который, очевидно, позаимствовала в одной из лавок, и без колебаний обрушила его на голову второго преследователя. Тот рухнул на крышу без звука.

– Я же сказал – никакой самодеятельности! – прорычал Раф, но в его голосе слышалось облегчение.

– Мы увидели, что вас гонят, – ответил Том, помогая Рафу связать одного из наемников его же собственным ремнем. – И решили, что правила можно немного изменить.

– Я нашла это, – сказала Камилла, протягивая мне сложенный листок бумаги. Она тяжело дышала, но глаза ее сияли триумфом. – В старой картографической лавке. Карта рынка семнадцатого века. Отец Майи был там. Владелец помнит его. Он искал «точку, с которой видны все звезды».

Она развернула карту. В ее центре был нарисован тот же символ, что и на стене. Спираль Дракона.

– Мы стоим прямо на ней, – сказала я, глядя то на карту, то на символ под ногами. – Это и есть «первая песнь». Это отправная точка. Но куда она ведет?

– Она ведет в Сиву, – раздался за спиной спокойный, до боли знакомый голос.

Мы резко обернулись. На соседней крыше, отделенный от нас пятиметровым провалом, стоял Александр Роуэн. Он был одет в легкий льняной костюм и выглядел так, словно вышел на дневную прогулку. Он был один. И он аплодировал.

– Bravo, мисс Ортон. Bravo. Я знал, что вы справитесь. Ваш отец гордился бы вами. Он тоже любил красивые головоломки.

– Что тебе нужно, Роуэн? – спросил Том, вставая между ним и нами.

– То же, что и вам, – улыбнулся Роуэн. – Завершить работу Джулиана. Видите ли, ваш отец был неправ. Он думал, что «Сердце горы» нужно прятать. А я считаю, что его нужно использовать. Во благо прогресса, разумеется. Но чтобы его разбудить, нужна «песнь трех племен». Вы нашли первую. Я помогу вам найти вторую.

– Мы не будем с тобой работать, – отрезала я.

– О, будете, – его голос стал жестким, как сталь. – Потому что вторая песнь, «песнь голоса», хранится у племени, которое не разговаривает с чужаками. Они доверяют только одному человеку в этом регионе. Мне. И я с удовольствием вас к ним отведу. В обмен на небольшую услугу.

Он сделал паузу, наслаждаясь эффектом.

– Отдайте мне кристалл. И я гарантирую вам безопасный проход через пустыню и встречу со старейшинами. Попытайтесь пойти одни – и вы сгинете в песках, так и не добравшись до цели. У вас нет выбора. Время пошло. Я буду ждать вас у входа в пустыню, у руин храма Оракула. У вас два дня, чтобы принять правильное решение.

С этими словами он развернулся и так же неспешно исчез за парашютом. Он не угрожал, не доставал оружия. Он просто поставил нас перед фактом. Он снова переиграл нас. Он не просто расставил ловушку в Сиве. Он превратил всю пустыню в игровое поле, на котором он был единственным, кто знал правила.

Мы стояли на крыше посреди шумного города, и я никогда не чувствовала себя более одинокой. Мы нашли первую песню. Но цена за вторую оказалась слишком высока. Нам предлагали сделку с дьяволом, и жаркий воздух Александрии вдруг показался мне холодным, как лед подземелий, из которых мы только что выбрались.

Тени на дюнах

Воздух на крыше, еще мгновение назад раскаленный и плотный, вдруг стал холодным и разреженным. Слова Роуэна повисли в нем, как ядовитый туман, не желая рассеиваться. Он ушел так же тихо, как и появился, оставив после себя не угрозу, а нечто худшее – выбор без правильного ответа. Сделку, в которой любой исход означал наше поражение.

– Ну, – Раф первым нарушил оцепенение, его голос был резок, как звук разбитого стекла. Он пнул ногой одного из связанных наемников, проверяя прочность узлов. – Это было... предсказуемо.

– Предсказуемо? – переспросил Том. Он не сводил глаз с того места, где только что стоял Роуэн, словно ожидал, что тот снова материализуется из воздуха. – Он предлагает нам провести нас через пустыню, зная, что мы не можем сделать это сами. Он держит все карты.

– Он хочет, чтобы мы так думали, – возразила Камилла. Она уже подняла с пола медный поднос и теперь задумчиво вертела его в руках, будто это был не кухонный инвентарь, а сложный артефакт. – Его предложение нелогично. Если он пользуется доверием этого племени, зачем ему мы? Зачем ему кристалл до встречи с ними? Он мог бы просто дождаться нас там и забрать его силой.

Ее слова были как ушат холодной воды. Она была права. В безупречном, на первый взгляд, плане Роуэна была трещина. Он не просто предлагал сделку, он пытался что-то выяснить. Или что-то получить. Что-то, что мог дать только кристалл в моих руках.

– Ему нужен не просто кристалл, – сказала я, и мой голос прозвучал увереннее, чем я себя чувствовала. Я инстинктивно сжала сумку, где лежал артефакт. Тихий гул в моей голове, который на мгновение затих от шока, снова возобновился, словно соглашаясь со мной. – Ему нужен *ключ*. Возможно, кристалл – это своего рода пропуск. Племя не будет говорить с ним, если он просто придет с пустыми руками.

– И тем более, если он придет с руками, испачканными в крови его законных владельцев, – закончил Раф. Он присел на корточки и быстро обыскал наемников. Из их карманов он извлек пару раций, несколько запасных обойм и туго свернутую пачку египетских фунтов. – Он использует нас как троянского коня. Мы приносим кристалл, открываем ему дверь, а потом... – Он не договорил, но мы все поняли.

– Значит, мы не принимаем его предложение, – подытожил Том. Это был не вопрос, а утверждение.

– Нет, – твердо сказала я. – Мы найдем другой путь.

– Отлично, – кивнул Раф, поднимаясь. – Тогда нам нужно убираться отсюда, пока эти двое не очнулись, а их дружки не вернулись с подкреплением. У нас есть два дня, чтобы превратиться из туристов в призраков пустыни.

Спуститься с крыш незамеченными было сложнее, чем взобраться на них. Каждый темный проулок казался ловушкой, каждый прохожий – наблюдателем Роуэна. Но хаос александрийских улиц снова стал нашим союзником. Мы растворились в толпе, сменили направление трижды и, наконец, добрались до убежища – квартиры профессора Хассана.

Старик встретил нас с тревогой в глазах. Он, очевидно, слышал шум погони, доносившийся с рынка. Не задавая лишних вопросов, он провел нас в свою библиотеку, задернул тяжелые шторы и принес поднос с дымящимся чаем и финиками.

– Роуэн в городе, – коротко сообщил Раф, пока Камилла пересказывала профессору суть ультиматума.

Хассан слушал внимательно, его пальцы теребили седую бороду. Когда Камилла закончила, он долго молчал, глядя на лежавший на столе туарегский кинжал.

– Он назвал племя? – наконец спросил он.

– Нет, – ответила Камилла. – Сказал лишь, что они не говорят с чужаками и доверяют только ему.

– Ложь, – отрезал профессор. – В Западной пустыне есть только одно племя, хранящее древние легенды о «сердце горы». Их называют Бени Асрар – «Дети Тайн». Они не доверяют никому. Особенно таким, как Роуэн, и корпорациям, что стоят за его спиной. Эти люди приходят в пустыню, чтобы брать – воду, нефть, минералы. А Бени Асрар верят, что пустыня – живое существо, и брать у нее можно лишь то, что она сама отдает.

– Но если они не доверяют никому, как мы с ними поговорим? – спросил Том.

– Роуэн прав в одном, – вздохнул Хассан. – Одни вы до них не доберетесь. Великая Песчаная Пустыня – это не парк аттракционов. Это океан песка, который убивает неподготовленных за считанные часы. Вам нужен проводник. Тот, кого пустыня знает и принимает. Тот, чьи предки говорили на одном языке с Бени Асрар.

Он встал и подошел к старинному шкафу, извлек из него потрепанную кожаную папку. Внутри были пожелтевшие фотографии и карты.

– Есть одна семья. Клан Аль-Кадир. Когда-то они были величайшими проводниками в этих краях. Они знали каждый колодец, каждую тропу, скрытую от посторонних глаз. Они торговали с Бени Асрар, знали их обычаи. Но пришли новые времена. Туристы предпочитают джипы с кондиционерами, а не верблюдов. Корпорации прокладывают свои дороги, не спрашивая разрешения. Семья обеднела, многие уехали в города. Но осталась последняя из них. Ее зовут Зара.

Он протянул нам выцветшую фотографию. На ней была запечатлена молодая девушка лет двадцати с гордым, независимым лицом и глазами, темными и глубокими, как ночное небо пустыни. Она стояла рядом с пожилым мужчиной на фоне старого, потрепанного внедорожника.

– Она упряма, как ее отец, и недоверчива, как дикая газель, – продолжал профессор. – Она презирает чужаков, особенно тех, кто приходит с деньгами и пустыми обещаниями. Убедить ее помочь вам будет почти невозможно.

– Но не совсем невозможно, – уточнила я, глядя в глаза девушки на фото. В них было что-то знакомое. Та же упрямая решимость, которую я часто видела в зеркале.

– Есть один способ, – кивнул Хассан. – Ее отец, Рашид, был другом твоего отца, Майя. Джулиан уважал его как никого другого. Он говорил, что Рашид умеет «читать песок». Несколько лет назад корпорация, та самая, на которую работает Роуэн, начала разведку в землях ее клана. Они искали редкоземельные металлы. Произошел... инцидент. Обвал в старой шахте. Рашид погиб. Корпорация назвала это несчастным случаем и выплатила небольшую компенсацию. Зара так не считает. Она уверена, что ее отца убили, потому что он слишком много знал. Она ненавидит эту корпорацию всей душой.

Теперь все встало на свои места. Это был наш шанс. Не просто найти проводника, но и обрести союзника.

– Где ее найти? – спросил Раф.

Найти Зару оказалось одновременно и просто, и сложно. Она держала небольшую автомастерскую на самой окраине города, там, где асфальт сменялся пылью и песком. Это было последнее место, где можно было починить машину перед долгой дорогой в пустыню. Место называлось «Последний Шанс». Очень символично.

Мастерская представляла собой навес из ржавого профнастила и несколько полуразобранных автомобилей вокруг. Под навесом, склонившись над открытым капотом старого «Ленд Крузера», стояла девушка. Она была одета в промасленный комбинезон, ее темные волосы были собраны в тугий хвост, а на скуле красовалось пятно смазки. Она была точной копией девушки с фотографии, только взгляд ее стал жестче, а в движениях появилась резкая, отточенная годами тяжелой работы уверенность.

Мы подъехали на дребезжащем такси, которое нанял Раф, и вышли из машины. Зара даже не подняла головы, лишь бросила через плечо на арабском:

– Если сломались, ждите. У меня заказ.

Камилла, знавшая несколько фраз, шагнула вперед.

– Мы не по поводу машины. Мы ищем Зару Аль-Кадир.

Девушка медленно выпрямилась и вытерла руки ветошью. Она окинула нас четверых долгим, оценивающим взглядом, не выказав ни удивления, ни интереса. Ее глаза задержались на мне на долю секунды дольше.

– Вы ее нашли. Что нужно чужакам от последней из Аль-Кадир?

– Нам нужна помощь, – начала я. – Мы хотим попасть в земли Бени Асрар.

Зара рассмеялась. Смех был коротким и лишенным веселья.

– Бени Асрар? Туристы обычно просят отвезти их к пирамидам. Или в оазис Сива, посмотреть на развалины. В землях «Детей Тайн» нет ничего, кроме песка и легенд. И они не любят гостей. Уходите.

Она снова повернулась к мотору, давая понять, что разговор окончен.

– Ваш отец, Рашид, знал моего отца, – сказала я громко. – Джулиана Ортона.

Ключ, который она держала в руке, со звоном упал на землю. Она замерла, не оборачиваясь. Тишина повисла под навесом, нарушаемая лишь далеким гулом города и шелестом ветра.

– Ортон, – проговорила она почти шепотом, и в этом слове слышалась и боль, и старая дружба. Она медленно повернулась. Теперь в ее глазах не было безразличия. Была настороженность и что-то еще, похожее на надежду. – Что вам нужно? Говорите правду. Пустыня не терпит лжи.

И я рассказала. Не все, конечно. Я опустила детали о кристалле, о его странных свойствах. Но я рассказала о последнем расследовании отца, о корпорации, об Александре Роуэне и о том, что Бени Асрар хранят ключ, который может пролить свет на смерть и моего, и ее отца. Я говорила о справедливости, о наследии, которое мы обязаны защитить.

Когда я закончила, Зара долго смотрела мне в глаза, словно пытаюсь заглянуть в душу.

– Роуэн, – она произнесла это имя, как ругательство. – Я знаю его. Он приезжал после смерти отца. Предлагал деньги. Говорил, что хочет «помочь». Я выгнала его. Он оставил мне свою визитку. Сказал, если передумаю. – Она усмехнулась. – Я сожгла ее в тот же вечер.

Она подошла к нам вплотную.

– Вы хотите пойти против него? Против всей его корпорации? Вы вчетвером? Вы безумцы.

– У нас нет выбора, – тихо сказал Том.

Зара перевела взгляд на него, потом на Рафа, на Камиллу. Она видела нашу усталость, нашу решимость, наше отчаяние.

– Чтобы добраться до земель Бени Асрар, нужно пересечь Море Дюн. Сто километров без единого колодца. Днем – жар, ночью – холод. Песчаные бури, которые могут засыпать машину за час. И зыбучие пески, которые выглядят как обычная равнина. Даже если я соглашусь, нам нужно снаряжение, вода, топливо. И машина, которая не развалится на первой же дюне. Этот, – она кивнула на «Ленд Крузер», – почти готов. Но это стоит денег. Больших денег.

Раф шагнул вперед и молча выложил на верстак пачку фунтов, которую забрал у наемников.

– Этого хватит?

Зара посмотрела на деньги, потом снова на Рафа.

– На топливо и воду – да. Но я не работаю за деньги тех, кого презираю. – Ее взгляд снова остановился на мне. – Я помогу вам. Но не ради денег. Ради него. – Она кивком указала в сторону пустыни. – И ради него. – Теперь она смотрела на небо. – Мой отец и твой отец. Они бы хотели, чтобы мы закончили их дело.

Сделка была заключена.

Следующие тридцать шесть часов превратились в лихорадочную гонку со временем. Пока Зара и Том, нашедшие общий язык механика и спасателя, готовили «Ленд Крузер» к броску через пустыню, мы с Камиллой и Рафом закупали все необходимое. Мы действовали по списку, который составила Зара: канистры для воды и топлива, провизия, которая не испортится на жаре, теплые вещи для холодных ночей, аптечка, лопаты, тросы. Мы покупали все в разных местах, небольшими партиями, чтобы не привлекать внимания. Мы сменили нашу европейскую одежду на просторные местные рубахи и штаны, а лица скрыли под платками-арафатками. Мы превращались в тени.

Камилла, используя старые карты профессора, прокладывала маршрут вместе с Зарой. Они часами сидели над выцветшими листами, споря о высохших руслах рек и сместившихся за полвека дюнах. Зара знала пустыню инстинктивно, Камилла – по документам. Их знания дополняли друг друга, рождая единственно верный путь.

Я же большую часть времени проводила в уединении, пытаясь понять, что происходит со мной. Кристалл в сумке больше не просто гудел. Иногда, когда я была одна, шепот становился отчетливее. Он не говорил словами, а показывал образы. Звездное небо, такое яркое, какого я никогда не видела в городе. Высокие, острые скалы. И песок. Бесконечный, золотистый песок, который переливался на солнце, словно живой. Кристалл звал меня домой. И я знала, что его дом где-то там, за горизонтом.

На исходе второго дня, когда багровое солнце начало опускаться к горизонту, окрашивая небо в оттенки оранжевого и фиолетового, мы были готовы. «Ленд Крузер», загруженный под завязку, стоял у края пустыни, его мотор ровно урчал. Мы попрощались с профессором Хассаном, который смотрел на нас с отеческой тревогой.

– Да хранит вас Бог, дети, – сказал он. – И помните: в пустыне самый опасный зверь – не скорпион и не змея. А человек.

Мы выехали из города без света фар, растворяясь в сгущающихся сумерках. Цивилизация осталась позади. Впереди лежала лишь бесконечная, молчаливая пустота. Зара вела машину уверенно, ее силуэт четко вырисовывался на фоне звезд, которые одна за другой зажигались на темнеющем бархате неба. Никто не говорил. Слова казались лишними. Звук мотора и шелест шин по песку были единственной музыкой в этом огромном, первозданном мире.

Мы ехали несколько часов, углубляясь в самое сердце пустыни. Пейзаж за окном был лунным, нереальным. Дюны, освещенные ярким светом звезд, отбрасывали длинные, иссиня-черные тени. Они были похожи на застывшие волны гигантского океана. Тени на дюнах. Они двигались, меняли форму, словно живые существа, наблюдающие за нашим вторжением.

– Привал, – коротко бросила Зара, съезжая с едва заметной колеи в ложбину между двумя высокими дюнами. – Дальше поедем на рассвете. Ночью слишком легко налететь на скалы или увязнуть.

Она заглушила мотор, и нас окутала абсолютная тишина. Такая глубокая, что, казалось, можно услышать, как кровь стучит в ушах. Мы разбили скромный лагерь. Горячий чай из термоса и пресные лепешки с сыром показались нам пищей богов.

– Пока все идет по плану, – сказал Том, оглядывая темный горизонт. – Мы оторвались.

– Не будь так уверен, – возразил Раф. Он не ел, а стоял на гребне дюны, вглядываясь в темноту через небольшой монокуляр. – Роуэн не из тех, кто сидит и ждет. Он охотник. Он будет идти по следу.

– Какой след мы могли оставить? – усмехнулась Зара. – Ветер заметет наши следы через час. Здесь нет дорог, нет камер. Мы – иголка в стоге сена.

Именно в этот момент Раф замер.

– Тихо, – прошипел он.

Мы замолчали, прислушиваясь. Сначала я ничего не слышала, кроме свиста ветра. Но потом я уловила его. Едва различимый, тонкий, прерывистый звук. Высокий, жужжащий. Он был неестественным для этого места.

– Что это? – прошептала Камилла.

– Дрон, – выдохнул Раф, не отрывая монокуляр от глаз. – Высотный. С тепловизором. Он висит почти неподвижно. Километрах в трех к северу. Он нас видит.

Кровь застыла у меня в жилах. Мы не оторвались. Мы не были иголкой в стоге сена. Мы были мышами в лабиринте, а за нами с высоты наблюдала кошка. Роуэн не ждал нас в Сиве. Он не стал бы рисковать, что мы найдем другой путь. Он позволил нам уйти, чтобы проследить, куда мы направимся. Он с самого начала знал, что мы не примем его сделку. Наш побег был частью его плана.

– Он не нападает, – сказал Том, его голос был напряженным, но спокойным. – Он просто наблюдает. Пасет нас.

– Он хочет знать, куда мы идем, – догадалась Зара, и ее лицо помрачнело. – Он не знает точного местоположения Бени Асрар. Он использует нас как компас. Чтобы мы привели его прямо к ним.

Ловушка, из которой мы, как нам казалось, так блестяще вырвались в Александрии, не исчезла. Она просто стала больше. Теперь ее размером была вся Западная пустыня. И мы неслись прямо в ее центр. Мы были не охотниками за тайнами. Мы были приманкой. А тени на дюнах, которые еще недавно казались мне просто игрой света, обрели зловещий смысл. Одна из этих теней принадлежала нашему врагу. И она неотступно следовала за нами.

Карта из соли и звезд

Тишина, обрушившаяся на нас после слов Рафа, была тяжелее и опаснее, чем любая песчаная буря. Жужжание дрона, едва различимое, превратилось в оглушительный рев в моей голове. Мы были не просто в ловушке. Мы были шахматными фигурами на доске размером с пустыню, и невидимая рука Роуэна двигала нас туда, куда ей было угодно.

– Он не мог знать, что мы пойдем к Заре, – голос Камиллы был напряженным, аналитическим. Она пыталась найти логику в хаосе. – Профессор Хассан – единственная нить, которая вела к ней. Роуэн не мог ее предугадать.

– Ему и не нужно было, – возразила Зара. Она поднялась, ее лицо в свете звезд казалось высеченным из камня. Ярость, холодная и белая, горела в ее глазах. – Он знает эту пустыню. Он знает, что без проводника вы – покойники. Ему нужно было просто следить за всеми известными проводниками и их семьями. Он не искал вас. Он ждал, когда вы сами себя проявите. И я привела его к вам.

В ее голосе звучала горечь самообвинения, но Раф тут же пресек это.

– Ты дала нам шанс. Без тебя мы бы до сих пор сидели в Александрии, ожидая, когда его люди вышибут дверь. Мы в игре, а не вне ее. Это главное. Теперь нужно понять, как изменить правила.

– Какие тут правила? – фыркнул Том, его обычное спокойствие дало трещину. – Мы в консервной банке посреди бильярдного стола. У него есть глаза в небе. Куда бы мы ни поехали, он будет знать. Он просто дождетя, когда у нас кончится топливо или вода, и возьмет нас тепленькими.

Он был прав. Любое движение было бы самоубийством. Но и бездействие вело к тому же результату. Дрон висел в небе, как электронный стервятник, терпеливо ожидая нашей гибели.

– Нет, – сказала я, и сама удивилась твердости своего голоса. Все взгляды обратились ко мне. Я достала из сумки кристалл. В темноте он казался еще более нереальным, впитывая в себя слабый звездный свет. Шепот в моей голове усилился, он был встревоженным, настойчивым. – Мы думаем как жертвы. Как беглецы. Но мы не беглецы. Мы идем по карте, которую оставил мой отец. Роуэн этого не знает. Он думает, что мы ищем место. А мы ищем путь.

– Майя права, – поддержала меня Камилла, ее глаза загорелись. – Ультиматум Роуэна в Александрии, его ложь о доверии племени... Все это говорит об одном: у него нет полной картины. У него есть кинжал, но он не может его прочесть. Он идет за нами вслепую.

– Он видит каждый наш шаг с высоты в километр, – скептически заметил Раф. – Не очень-то это похоже на «вслепую».

– Он видит, *куда* мы идем, но не понимает, *почему*, – уточнила Камилла. Она взяла у Рафа туарегский кинжал и положила его на расстеленное на песке одеяло. Звездный свет тускло отразился от гравировки. – Профессор Хассан сказал: «Первая песнь рождается там, где шафран встречается с солью». Мы нашли отправную точку на рынке. Но это был лишь пролог. Сама песнь – вот она. – Она провела пальцем по лезвию. – Карта из соли и звезд.

– Легенда, которую мой дед рассказывал отцу, – тихо проговорила Зара, присаживаясь рядом. – Он говорил, что древние проводники не пользовались бумажными картами. Бумагу может сжечь солнце, смыть вода, унести ветер. Их карты были высечены на камне, на оружии, на самой земле. Они были вечными.

– Именно! – воскликнула Камилла. – Роуэн ищет бумажную карту. Или GPS-координаты. Он мыслит как современный человек. А отец Майи мыслит как... как древний исследователь. Он понял, что карта – это не объект. Это процесс. Алгоритм. «Следуйте за первой песней». Это инструкция. Нам нужно совместить два элемента: звезды и соль.

Она подняла глаза к небу, на котором мириады звезд сияли с немислимой в городе яркостью.

– Вот один элемент. Созвездия на кинжале – Дракон, Кассиопея... Они здесь, над нами. Но они движутся. Карта меняется каждую ночь, каждый час. Чтобы ее прочесть, нужно знать точное время и место.

– А второй элемент – соль, – продолжила Зара, и на ее лице появилось выражение глубокой задумчивости. – В старых легендах говорится о Калаат аль-Милх, Соляной Крепости. Это не крепость, конечно. Так кочевники называют огромное высохшее соленое озеро в самом сердце Моря Дюн. Днем оно слепит глаза, как снег. А ночью... ночью кристаллы соли отражают звездный свет. Говорят, в безлунную ночь кажется, будто ты стоишь на земле, а над тобой и под тобой – два одинаковых неба.

Мое сердце забилося чаще. Два неба. Карта, которую можно прочесть, только когда земля отражает небо. Это было так в духе моего отца. Гениально. Невозможно. И прекрасно.

– Значит, нам нужно на это соленое озеро, – подытожил Том. – Мы должны наложить карту созвездий с кинжала на их отражение в соли. И это укажет нам путь.

– И дрон полетит за нами, как привязанный, – закончил Раф, возвращая всех с небес на землю. – И когда мы найдем то, что ищем, Роуэн и его команда уже будут пить чай на соседней дюне. План хорош, но невыполним.

– Невыполним, если мы поедем все вместе на этой машине, – сказала Зара, и в ее глазах блеснул опасный огонек. Она была дочерью пустыни, и в ее жилах текла кровь воинов и хитрецов. – Но что, если машина поедет в одну сторону... а мы пойдем в другую?

План родился в спорах, в сомнениях, в отчаянной надежде. Он был дерзким, рискованным и граничил с безумием. Он был идеален.

Мы должны были разделиться.

Машина, наш единственный транспорт, наше убежище и наша самая заметная часть, должна была стать приманкой. Она должна была поехать по ложному маршруту, на юго-запад, в сторону каньонов, известных как «Глотка Дьявола». Это был лабиринт узких ущелий и скальных выходов, где легко было затеряться, но так же легко и попасть в засаду. Там было плохое спутниковое покрытие – идеальное место, чтобы «случайно» пропасть с радаров. Дрон последует за машиной. За ее тепловым следом, за ее движением.

А мы... мы должны были пойти на юго-восток. Пешком. Через дюны, к Соляной Крепости. Без транспорта, с минимальным запасом воды и еды. Положившись только на звезды, на знания Зары и на странное чувство направления, которое давал мне кристалл.

– Я поведу машину, – без колебаний сказал Том. – Я лучший водитель в экстремальных условиях. И я знаю, как заставить погоню выглядеть правдоподобно.

– Одна ты не пойдешь, – твердо сказала Зара, глядя на него. – Это мои земли. Моя пустыня. Никто, кроме меня, не сможет петлять по каньонам так, чтобы преследователи поверили, будто мы пытаемся скрыться, а не заманиваем их. Мы поедем вдвоем.

Раф открыл было рот, чтобы возразить, но промолчал. В этом решении была суровая логика. Том и Зара. Спасатель и проводник. Сила и знание. У них был лучший шанс выжить и увести за собой погоню.

– Значит, мы втроем идем к озеру, – сказал Раф, глядя на меня и Камиллу. – Историк, репортер и бывший коп. Отличная команда для прогулки по смертельной пустыне. Что может пойти не так?

Его сарказм был защитной реакцией, но никто не улыбнулся. Мы все понимали, на что идем.

Следующий час мы действовали быстро и слаженно, как единый механизм. Мы перераспределили припасы. Том и Зара забирали большую часть воды и все топливо. Они оставили нам три полные фляги, немного вяленого мяса и фиников, аптечку, один фонарь и компас.

– Идите по гребням дюн, так легче, – наставляла Зара, указывая на юго-восток. – Держите Полярную звезду за левым плечом. Через двадцать километров будет гряда черных скал. У их подножия есть источник, его называют «Слезы Вдовы». Вода там горькая, но пить можно. Оттуда до солончака еще полдня пути. Мы постараемся дать вам как можно больше времени. Двенадцать часов, может, больше.

– Будьте осторожны, – сказал Том, его взгляд задержался на мне. В нем не было гиперопеки, как раньше. Было доверие. И беспокойство, которое он не мог скрыть. – Никакого риска. Если что-то пойдет не так, уходите.

– Вы тоже, – ответила я, и это прозвучало слабее, чем мне хотелось бы.

Прощание было коротким, почти безмолвным. Зара пожала руку Рафу, кивнула Камилле и, подойдя ко мне, на мгновение сжала мое плечо.

– Твой отец гордился бы тобой, – сказала она.

Потом они с Томом запрыгнули в «Ленд Крузер». Мотор взревел, нарушая ночную тишину. Машина развернулась, взметая тучу песка, и рванула на юго-запад, в темноту. Мы смотрели ей вслед, пока красные точки ее задних фонарей не растворились за дюной.

И снова наступила тишина. Но теперь она была другой. Оглушающей. Пустой. Мы остались одни. Втроем против целой пустыни.

– Ну что, туристы, – проговорил Раф, закидывая за плечи небольшой рюкзак. – Экскурсия начинается. Не отставать.

И мы пошли.

Идти по песку было все равно что подниматься по бесконечному эскалатору, который едет вниз. Ноги вязли, каждый шаг требовал усилий. Холодный ночной ветер пронизывал до костей. Вокруг не было ничего, кроме песка и звезд. Мир сузился до этих двух стихий. Мы шли молча, экономя дыхание. Раф шел впереди, задавая темп, его фигура казалась темным, угловатым силуэтом. Я шла за ним, а замыкала шествие Камилла.

Я думала о Томе и Заре. Представляла, как они мчатся по каменистым плато, как фары выхватывают из темноты скалы, как дрон неотступно следует за ними. Они рисковали своими жизнями ради нас, ради нашего шанса разгадать загадку. И я не могла их подвести.

Шепот кристалла в моей сумке изменился. Он больше не был встревоженным. Он стал спокойным, ровным, похожим на путеводную нить. Он тянул меня на юго-восток, и я знала, даже не глядя на компас Рафа, что мы идем верной дорогой. Словно древний артефакт узнал дорогу домой.

Мы шли несколько часов. Время потеряло свой смысл. Были только шаги, дыхание и звезды. Небо над нами было невероятным. Я никогда не видела столько звезд. Они были такими яркими, такими близкими, что казалось, можно протянуть руку и коснуться их. Я узнавала созвездия, которые показывал мне отец в детстве, когда мы сидели на крыше нашего дома. Дракон, извивающийся между Медведицами. Гордая Кассиопея. Я чувствовала с ним странную, пронзительную связь, словно он шел сейчас рядом со мной, невидимый, и одобряюще кивал. Он прошел этим путем. Он видел эти же звезды.

– Привал, – скомандовал Раф. Его голос прозвучал хрипло.

Мы рухнули на песок у гребня высокой дюны. Ноги гудели, легкие горели от холодного воздуха. Раф выдал нам по глотку воды. Драгоценная влага показалась мне амброзией.

– Как ты, Камилла? – спросила я. Она выглядела измотанной, ее лицо было бледным в свете звезд.

– Нормально, – выдохнула она, но я видела, что это не так. Она была не просто «кабинетным ученым», но это испытание было за гранью ее физических возможностей. Однако в ее глазах горел огонь. – Это невероятно. Столько веков люди смотрят на эти звезды, и только единицы знают, что это не просто точки света. Это ключ.

Раф ничего не сказал. Он стоял на гребне и смотрел на север, туда, где в небе висел невидимый враг.

– Он еще там, – констатировал он. – Я не вижу его, но я чувствую. Он не отцепится от машины, пока не загонит ее в угол.

– Том и Зара справятся, – сказала я, скорее пытаюсь убедить саму себя.

– Надеюсь, – коротко ответил Раф. – Потому что если нет, то наша прогулка теряет всякий смысл. Нас просто найдут по следам на рассвете. Пошли.

Мы шли до тех пор, пока на востоке небо не начало светлеть. Пустыня меняла цвет на глазах, превращаясь из иссиня-черной в серую, потом в лиловую и, наконец, в нежно-розовую. Именно в этот момент мы увидели их. Гряду черных, остроконечных скал на горизонте. Они были похожи на зубы гигантского зверя, торчащие из песка.

– «Слезы Вдовы», – прошептала Камилла. – Мы дошли.

Источник оказался небольшим гротом у подножия самой высокой скалы. Вода сочилась прямо из камня, собираясь в крошечной природной чаше. Она действительно была горьковатой, с привкусом минералов, но после ночного перехода это была лучшая вода на свете. Мы наполнили фляги и позволили себе отдохнуть, укрывшись в тени скалы от первых, еще не палящих лучей солнца.

– Теперь самое сложное, – сказал Раф, изучая местность. – Отсюда до солончака открытое пространство. Если Роуэн догадается об обмане и поднимет в воздух второй дрон, он увидит нас как на ладони. Нам нужно добраться туда до полудня, пока солнце не начало жарить по-настоящему.

Последний рывок был самым тяжелым. Песок под ногами становился все светлее, смешиваясь с кристаллами соли. Воздух дрожал от поднимающегося жара. Дюны постепенно сошли на нет, уступив место идеально ровной, белой, как снег, поверхности, уходящей за горизонт. Соляная Крепость.

Мы вышли на край солончака и замерли, пораженные. Зрелище было неземным. Белая, растрескавшаяся от зноя земля, покрытая сверкающими кристаллами соли, простиралась во все стороны. Местами из нее торчали причудливые, выветренные скалы, похожие на гигантские скульптуры. Тишина была абсолютной.

– Мы на месте, – выдохнула Камилла, оглядываясь с восторгом ученого, попавшего в затерянный мир. – Теперь нужно ждать ночи.

– Ждать? – Раф посмотрел на нее как на сумасшедшую. – У нас нет времени ждать! Том и Зара уже часов восемь водят Роуэна за нос. Их ресурс на исходе.

– Но днем мы не сможем ничего увидеть! – возразила Камилла. – Карта работает только ночью, когда соль отражает звезды! Так гласит легенда!

Они были правы оба. У нас не было времени, но без ночного неба мы были слепы. Я смотрела на эту бесконечную белую равнину, и вдруг одна деталь привлекла мое внимание. Тени. Солнце стояло уже довольно высоко, и скалы-останцы отбрасывали на белую соль четкие, темные тени. Они были как черные стрелки на белом циферблате.

И тут меня осенило. Отец. Он был не только исследователем, но и фотографом. Он понимал свет и тень как никто другой. Он не мог создать головоломку, которая работает только двенадцать часов в сутки. Это было бы неэффективно. Должен был быть способ прочесть карту и днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.